

КАВКАЗ В СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЖУРНАЛАХ

ТАДАСИ НАКАМУРА

ВВЕДЕНИЕ РУБЕЖА

Цель нашего исследования ограничена: как представлялся Кавказ в русских литературных журналах в 1994-1996 годах? За это время в связи с тогдашней ситуацией число статей, воспоминаний, репортажей и художественных произведений, темой которых являлся Кавказ, увеличилось не только в периодиках по актуальным вопросам, но и в литературных журналах. Вот они объект нашего исследования.

В литературных журналах того времени мы часто встречаемся с именами Пушкина, Лермонтова, Л. Толстого и т.д. Упоминание про них в литературных статьях и произведениях, конечно, совсем естественно. Однако литературное представление о “кавказцах” можно найти и в статье с антивоенным намерением, которую написал депутат государственной думы:

Жизнь горцев во всем мире отличается большой изолированностью родов и общин, вольнолюбием и воинственностью. Рабство и крепостничество не способны привиться в горных общинах, где каждый мужчина – воин.¹

Здесь не трудно заметить дальний отклик образа «благородного дикаря», чье воплощение русские литераторы романтического направления XIX века хотели найти в “горцах”.

Как Сусан Лайтон подробно писала в ее книге «Русская литература и империя»,² литература XIX века играла решительную роль для укоренения стереотипной характеристики Кавказа и “кавказцев” в сознании русских. Кажется, данное литературное представление доньше сохраняет свою продуктивность. В вышепротитированном даже против намерения самого автора представление – миф Кавказа все еще определяет его мышление об этом регионе.

Нам нужно различить этот миф от того, что действительно произошло и сейчас происходит на Кавказе. В отличие от второго кавказская мифология возникла в русской словесности и непрестанно определялась ее общим направлением. Нельзя посчитать представление тем, что онтологически существует. Наш объект отражает не столько реальность Кавказа, сколько сознание русских по этому поводу.

1 *Фейгин М.* Вторая кавказская война // Новый мир. 1995. №12. С.160.

2 Susan Layton, *Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy*, Cambridge University Press, 1994.

Можно сказать, что наш подход к материалам преимущественно формальный. В этой статье исключается моральная оценка на содержание объекта: если мы хотели бы с моральной точки зрения рассуждать данный вопрос, то мы должны были бы перелететь в возвышенность, которая называется «объективностью». А мы не забываем о том, что мы сами принадлежим своему собственному контексту. Нам нельзя высказаться с авторитетной точки зрения, как будто мы сумели бы рассмотреть целое. Поэтому мы поставим своей целью классификацию материалов с чисто формальной точки зрения.

Критерий классификации – отношение авторов к «рубежу». Если раз установлен «рубеж», то надо предположить тоже *внутреннее* и *внешнее*, которые разделяются рубежом и стоят друг против друга. Следовательно, как автор устанавливает в своем произведении *внутреннее* и *внешнее* – это также становится критерием классификации.

В этом отношении нам стоит обратить внимание на рассказ Виктора Пелевина «Папахи на башнях».³ В рассказе Шамиль Басаев и его команда без сопротивления захватили московский Кремль. А их вооруженное действие, которое должно было иметь большое политическое и экономическое значение, после начального успеха быстро теряет свой смысл и превращается в полную бессмыслицу. Это произошло из-за появления большого количества добровольно сдавшихся в плен, соревнования между средствами массовой информации, освещающими эти события, использования этого случая фирмами для рекламы и т.д. Басаев, который понял, что положение полностью вышло из-под его контроля, в конце концов не смог не покинуть территорию Кремля, ругая Москву: «горе тебе, Вавилон, город крепкий!»⁴

Несмотря на абсурдное впечатление при первом чтении, «Папахи на башнях» заслуживает внимания в связи с кавказским мифом, потому что автор узнает и в рассказе явно показывает схематичность этого мифа.

В самом начале рассказа Пелевин напоминает читателям о литературном сюжете «со времен Гомера»: есть «две группы героев, одна из которых обороняет некую крепость, а другая пытается взять ее штурмом».⁵

Сюжет чрезвычайно навязчив – люди склонны воспринимать сквозь его призму даже события, которые с фактической точки зрения совершенно не укладываются в эту канву. За примерами не надо ходить далеко... для простоты, можно взять «битву за урожай» – тут роль крепости играет пшеничное поле (возможно, с этикетки «Пшеничной»). Кроме этих примеров, можно вспомнить штурм полюса, атома, глубин океана и так далее.⁶

Если освободить вышепротитированное высказывание от метафор военного оттенка, то перед нами останется простая биномиальная схема: *внутреннее*

3 Огонек. 1995. №42. С.62-66.

4 Там же. С.66.

5 Там же. С.63.

6 Там же.

и *внешнее*, разделенные рубежом, и стоящие друг против друга. Эта схема вневременная и неисторическая («со времен Гомера», «чрезвычайно навязчив»). Здесь *внутреннее* и *внешнее* похожи на пустые сосуды, потому что в них можно вместить любое содержание.

Всякий миф основан на этом биноме, включая, конечно, кавказский. При чтении «Папахи на башнях», имея в виду эту представленную в начале рассказа схему, читатели посчитают захват Кремля Басаевым, как конфронтацию двух начал, разделенных рубежом = кремлевскими стенами. В рассказе конфронтация *России с Кавказом* постепенно теряет свой смысл, главным образом, из-за пестрого вмешательства коммерческого начала. Итак нам можно определить этот рассказ как попытку аннулировать мифологический рубеж путем введения разнородного начала данному мифу.

Здесь нам нужно принять во внимание то, что аннулирование рубежа, разделяющего *нас* и *их*, производится Пелевиным в сознательно закрытом и завершеном мире. А рубеж в человеческом мышлении о действительности можно ли так же аннулировать, в частности, когда конфликт в самом деле происходит между двумя сторонами, разделенными этим рубежом? Говоря конкретнее, в 1994-1996 гг. как русские писатели, критики, ученые и др. с каждой точки зрения относились к вопросу рубежа, разделяющего *Россию* и *Кавказ*? И если были люди, которые стремились к аннуляции кавказской мифологии, то каким образом они попробовали это сделать?

Мы сначала рассмотрим произведения авторов, которые остаются внутри рубежа.

ВНУТРИ РУБЕЖА

В статье Александра Казинцева «Чечня: первый несданный рубеж»,⁷ несмотря на ее подзаголовок, конкретный рубеж отсутствует. Автор заранее удалил рубеж куда-то за рамками статьи, и ходит и думает только в уже самовольно расширенном *внутреннем*. Правда, что автор ездил в Грозный с целью «своими глазами увидеть события»,⁸ но ему удалось «всего два случайных разговора в Грозном».⁹ Для него становится «основным источником сведений о происходившем в республике» случайно обнаруженная им книжка «Криминальный режим, Чечня, 1991-1995 гг.».¹⁰ И он, вместо того, чтобы увидеть своими глазами, увлекается чтением этой книжки.

Хотя в статье Казинцева не найдено прямое упоминание о рубеже, совершенно ясно, что его мышление полностью основывается на биноме кавказской мифологии: пейзаж около Грозного, который был виден из окна самолета он изображает так:

7 Наш современник. 1995. №4. С.164-173; №5. С.158-175.

8 Там же. №4. С.164.

9 Там же. С.168.

10 Там же. С.165.

Под нами простирались бескрайние поля – благодатные южные черноземы. Несмотря на то, что март был уже в середине, они лежали невспахан-ными...

Кто сказал, что это не наша земля?... Эти русские земли, которые казаки начали осваивать еще в XVI веке, стали житницей республики.¹¹

По Казинцеву Грозный принадлежит «нашей земле», а это потому, что город находится на «бескрайних полях» и был построен «казаками». Нечего говорить, что «поля» – в схеме кавказской мифологии противопоставленный элемент «горам», а «казаки» – «горцам». Опираясь на бинаминальную схему мифа, в то же время вычеркнуть *внешнее* из своего поля зрения – вот основная стратегия автора данной статьи.

Мы можем заметить самозамкнутость поля зрения Казинцева и в том, что его главный интерес, в конце концов, не столько чеченский вопрос как таковой, сколько «чеченский разлом»¹² – разногласие по этому вопросу внутри общества России.

Литературные произведения за 1994-1996 гг., с первого взгляда кажется, составляют резкий контраст со статьей Казинцева: против джигонистической позиции второго, у первых заметно отрицательное настроение к войне. Например, в рассказе Любови Терентьевой «Двойник», семья рассказчика впадает в кризис из-за того, что старший брат, который добровольцем пошел на чеченскую войну, там получил тяжелую травму черепа и вернулся домой в тяжелом состоянии.¹³ Повесть Николая Бойко «В отвале» – это жестокая история, где герой, ставший инвалидом в результате ранения на чеченском фронте, после списания из армии не может наслаждаться семейным спокойствием из-за сексуальной неспособности, предается пьянству, а потом с товарищами отправляется в Москву, чтобы просить милостыню, и в конце концов убит при сопротивлении в подвальном мире.¹⁴

Несмотря на контрастное отношение к войне, эти произведения опираются на одинаковую схему со статьей Казинцева: вычеркивание *внешнего* передвижением рубежа за поле зрения. В обоих произведениях сцена установлена внутри России, и внимание авторов сосредоточено на вопросе приема репатриантов обществом. В них чеченский вопрос отступает на задний план. Признавая надлежащим то, что насущный вопрос для общества отражается в литературе, нам все-таки нельзя не заметить самозамкнутость взгляда авторов, не учитывающих *внешнее* за рубежом.

Говоря о «Кавказском пленном» Владимира Маканина,¹⁵ который вызвал споры в широких литературных кругах, мы считаем этот рассказ также самозамкнутым во *внутреннем*. В отличие от вышеупомянутых двух про-

11 Там же.

12 Там же. №5. С.161.

13 Север. 1996. №7. С.4-13.

14 Молодая гвардия. 1996. №9. С.98-130.

15 Новый мир. 1995. №4. С.3-19.

изведений, правда, сцена рассказа Маканина установлена на географическом рубеже – на кавказском фронте. Но в рассказе все изображаются исключительно с точки зрения русского солдата Рубахина. А пленный горец со своей стороны почти ни одного осмысленного слова не высказывает. Он просто рассматриваемый объект, все время молчит.

Фабула рассказа Маканина – русский солдат берет красивого и молодого горца в плен и чувствует в себе какой-то неопределенный гомосексуальный интерес к нему – очевидно производится переворотом традиционного установления литературы XIX века: русский пленник, любимый красивой девушкой-горячкой. Откровенно напомнить о схеме уже существующей кавказской мифологии, и на основе этого построить свой новый сюжет – это общая стратегия Маканина и Пелевина.

Однако их стремления на самом деле противоположные. В случае Пелевина сначала показывают пустой бин, в который потом вмешают кавказский миф. Для Пелевина, в сущности, миф – не что иное, как пустые сосуды, чье содержание можно наполнить любым образом. У него противостояние *России* и *Кавказа* – не больше, чем один из бесчисленных возможных вариантов.

В противоположность этому в поле зрения Маканина кавказская схема – единственная и уникальная, содержание которой ни в коем случае нельзя изменить. Сюжет рассказа, действие и мышление персонажей заранее строго определяются кавказской мифологией и никак не выходят из ее рамок, на которые уже название рассказа четко указывает читателям.

Правда, в этих рамках автор переворачивает отношение пленившего и плененного, но в конце рассказа это раз перевороченное отношение (после удушения пленного Рубахиным) опять переворачивается и возвращается в традиционное.

Каждый раз, собираясь послать на хер все и всех (и навсегда уехать домой, в степь за Доном), он собирал наскоро свой битый чемодан и... и оставался. «И что здесь такого особенного? Горы?...» – проговорил он вслух, с оленностью не на кого-то, а на себя. Что интересного в стылой солдатской казарме – да и что интересного в самих горах? – думал он с досадой. Он хотел добавить: мол, уже который год! Но вместо этого сказал: «Уже который век!..» – он словно бы проговорился; слова выпрыгнули из тени, и удивленный солдат додумывал теперь эту тихую, залежавшуюся в глубине сознания мысль.¹⁶

Имея в виду эту сцену, Анна Латынина в своей статье замечает: «Кто в конечном счете пленный?... Красивый юноша-кавказец – или сам Рубахин, плененный красотой Кавказа?»¹⁷

У Пелевина обнаженное показание мифологического бина было стратегией для того, чтобы пародировать кавказскую мифологию. А Маканин,

16 Там же. С.19.

17 Не игра, а прогноз художника // Литературная газета. 1995. №23. С.4.

сознательно оставаясь в рамках этой мифологии, играет ее вариацию, правда, очень красивую, но все-таки самозамкнутую в традиции русской словесности.

Кстати, Олег Павлов по поводу «Кавказского пленного» обвинил Маканина в том, что «пишет он по лжи», и одну такую «ложь» раскрывает так:

Женоподобие презирается у горцев и даже карается. И того юноши женоподобного, которого Маканин пишет как воина, никак и никогда не могло в боевом отряде горцев существовать – да еще с оружием в руках. Горцы, с их почти обожествлением мужественности и силы, такого бы юношу, возьми он в руки, как и они, оружие, брось он на них хоть один самый безвинный взгляд, удушили бы पहले, чем тот русский солдат.¹⁸

Вместо “правды” опять перед нами шаблонное представление о “горцах”. В общем можно сказать, что остаться внутри мифологического рубежа – это широкое стремление в литературных журналах, независимо от того, что авторы признают об этом или нет, и также от их разнообразных позиций.

ПЕРЕХОД РУБЕЖА

Передвинуться *туда*, и самим испытывать и наблюдать *там* – вот самая достоверная форма перехода через рубеж. А среди литературных жанров такому действию больше всего соответствует репортаж. Правда, что с прозой этого жанра мы реже встречаемся в литературных журналах, чем в периодиках по актуальным вопросам. Но с нашей точки зрения, которая заинтересована исключительно вопросом рубежа, они немаловажные, несмотря на их маленькое количество.

В «воображаемой географии» кавказской мифологии роль символического рубежа, разделяющего *здесь* и *там*, в большинстве случаев играла река Терек.¹⁹ Эта традиция наследуется и современному представлению Кавказа. Приведем в качестве примера тому репортаж Евы Лисиной «На качелях перед боем: чеченский дневник».²⁰ Одна из местных жителей предлагает ночлег автору, который приехал в Моздок для поиска своего ученика, и они вместе отправляются в ее дом. «Переезжаем реку. Оказывается, это и есть Терек. Скоро останавливаемся у большого деревенского дома».²¹ В репортаже река Терек очевидно функционирует как рубеж: только после этого перехода через нее автор начнет ходить по военной зоне для того, чтобы найти своего ученика.

Но поиск автора и других “матерей солдат”, в конце концов, оказался напрасным. Финал репортажа, где одна из “матерей солдат” в конце неудачного путешествия на Кавказ с целью возвращения своего сына гово-

18 Читающий писатель: Олег Павлов // Знамя. 1996. №1. С.209.

19 см.: «Кавказский пленник» Пушкина, «Казачи» Л. Толстого и т.д.

20 Дружба Народов. 1995. №2. С.103-117.

21 Там же. С.104.

рит: «Вот и совершили экскурсию по толстовским местам: Кавказ, Толстой-юрт. И в Ясной Поляне побывали»,²² обязательно произведет сильное впечатление читателям.

Здесь нам нужно принять во внимание то, что репортаж как жанр настаивает на своей авторитетности. В предисловии к репортажу Лисиной редакция журнала пишет: «Пусть Ева Лисина видела не все, однако то, что описано в ее дневнике, она видела собственными глазами и запечатлела не только на бумаге, но и в сердце».²³ В общем, репортаж глубоко трогает читателей своей правдивостью, а в то же время приносит авторитет своего дискурса (ощущение объективности или целостности) в жертву: опираясь на какой-то другой авторитетный принцип, не будет трудно посчитать явления, наблюдаемые и испытанные автором репортажа, как исключительные. Надо сказать, что только лишь переходом рубежа мифологического биннома не будет ни аннулирован, ни потряхнут.

Репортаж Петра Вайля «Беспокоящий огонь: Чечня, весна 95-го»²⁴ построен очень сознательно по этому поводу. С одной стороны, для того, чтобы покинуть авторитетную точку зрения, автор не только выбрал жанр репортажа, но и разделил произведение на такие главы, как «Быт войны», «Фольклор войны», «Деньги войны» и т.п. Здесь нам представляется важным, что в этом репортаже отсутствует доминантная глава: автор, подчеркивая многогранность ситуации, уделяет внимание тому, чтобы разные эпизоды и детали не целиком подчинились унифицирующей функции авторского взгляда.

А с другой стороны, Вайль знает, что простой переход рубежа не обязательно прямо примыкает к обвалу мифологического биннома. Поэтому он в репортаже играет роль человека, который глубоко погружен во всякие представления кавказского мифа, и притворяется удивленным каждый раз, когда встречается в «реальности» с людьми или событиями, отклоненными от клише мифологии.

Вайль в свой репортаж вводит серию собственно амбивалентных эпизодов: семья, действительно страдающая от битвы, перед журналистами притворилась более погруженной в скорбь и печаль; чеченские бойцы заинтересовались портативным телефоном, который автор носит с собой, и хотели позвонить почему-то в Токио; слух о каком-то мифологическом персонаже Камикадзе распространен среди русских солдат и т.д. Рассыпая подобные эпизоды по всему репортажу, автор укореняет в сознании читателей многогранность и амбивалентность ситуации, и трясет рубеж, разделяющий *нас* и *их*.

Как мы выше сказали, только переходом через него рубеж не будет аннулирован. А для релятивизации мифологического биннома необходимы такие тщательные меры, как Вайль принял в свой репортаж.

22 Там же. С.117.

23 Там же. С.103.

24 Знамя. 1995. №6. С.176-186.

ПЕРЕВЕДЕНИЕ РУБЕЖА

В вышеупомянутом репортаже Е. Лисиной, как мы уже сказали, после перехода через реку Терек автор ходит по военной зоне. А в процессе этого хождения она встречает много людей и классифицирует их на две группы: 1) местные жители и русские солдаты низкого ранга; 2) штабисты и жандармы русской армии. Ясен критерий классификации автора, который ищет своего ученика и разделяет ночлег с “матерями солдатов”: данный человек помог ли ей и ее товарищам в поиске? Можно сказать, что стратегия Лисиной в некотором смысле похожа на Пелевина: аннулировать традиционный бинном кавказского мифа путем введения разнородного начала (в ее случае – антивоенного пафоса).

А здесь нам нужно обратить внимание на то, что в отличие от художественного произведения, собственно закрытого и завершенного, репортаж – открытый жанр к “реальности”: в случае репортажа, чьей главной особенностью является правдивость, хотя бы рубеж был аннулирован в дискурсе, он никак не исчезнет в сознании читателей. Поэтому, если определить точнее, попытка Лисиной в ее репортаже – не столько аннулировать рубеж, разделяющий *Россию* и *Кавказ*, сколько сделать его относительным тем, что ввести новый и вертикальный традиционному рубеж, который разделяет *джингоистических* и *антивоенных*.

Вертикальное переведение рубежа – не что иное, как сначала разделить традиционные *внешнее* и *внутреннее* собственно на половину, и потом эти разделенные половины по-новому объединить друг с другом. В случае репортажа Лисиной *Россия* разделяется на *штабистов* и *солдат*, и второй из которых объединяется с *местными жителями*. (В кавказской стороне соответствующая со *штабистами* половина отсутствует.)

Пример попыток такого вертикального переведения рубежа мы можем найти и в публикациях еще не напечатанных литературных произведений: в 1996 году в «Дружбе народов» были помещены два рассказа из «Сибирских новелл» украинского писателя Бориса Антоненко-Давидовича. Новеллы были мемуарами лагерной жизни автора, и герои напечатанных в журнале рассказов – чеченские братья и казахи.²⁵ Переводчик Я. Голуб в своем предисловии о цели опубликования рассказов в данный момент намекает так: «Новеллы “интернациональны” в том смысле, что охватывают судьбы людей самых разных национальностей, которых в “едином братстве” сплотили сталинские тюрьмы и лагеря».²⁶ Другими словами, здесь делают релятивизацию рубежа между национальностями посредством введения нового рубежа, разделяющего *лагерников* и *сталинский режим*. Мы также считаем, что специальные статьи, посвященные репрессированному грузинскому поэту Тициану Табидзе, поместили в «Дружбе народов» с той же самой целью.²⁷

25 Сибирские новеллы // Дружба народов. 1996. №1. С.122-131.

26 Там же. С.122.

27 Венюк Тициану Табидзе // Дружба народов. 1995. №12. С.3-13.

Статья украинского критика Ивана Дзюбой, которая была напечатана в №1 «Дружбы народов» 1996 года,²⁸ вызвала серию откликов со стороны русских критиков. Этот спор, может быть, не был таким плодотворным для участвующих в нем, но с нашей точки зрения, заслуживает упоминания.

Краткое изложение статьи Дзюбой таково: завоевание Кавказа Россией составляет звено одной цепи экспансии империй, происшедшей в мировом масштабе в XVIII–XIX веках. А особенность кавказского случая состоит в том, что завоевание Кавказа производилось Русской империей под такими якобы просвещенными лозунгами, как освобождение горцев цивилизацией от застоя в отсталых условиях и т.д. И в том играла важную роль традиция кавказского представления в русской литературе с XVIII века, хотя в сочинениях Лермонтова и Л. Толстого можно заметить стремление того, чтобы отрицать кавказскую мифологию и стоять на стороне туземцев. А самый решительный голос протеста против насилия над чужими народами поднял украинский поэт Тарас Шевченко. Мы должны высоко оценить его поэму «Кавказ» даже по сравнению с западноевропейской литературой того же периода: в свое время только Шевченко воспринимал кавказские народы скорее как субъект, а не как объект истории.

Реакция русских критиков была обусловленной: в общем, высоко оценивая статью, они обвиняют автора в его логичной «прямолинейности» и «одномерности». Например, Ю. Давыдов цель своего эссе объясняет так: «Генеральную мысль автора я приемлю. А краткие маргиналии представляю как частное сопротивление некоторой одномерности в изложении архисложного, донельзя трагического процесса».²⁹

Следовательно основной стратегией критиков для возражения против Дзюбой стала релятивизация установленного им бинорма «*угнетающих* – *угнетенных*», или также рубежа, который лежит на основе этого бинорма.

Одной из мер для релятивизации рубежа является растворение кавказского случая в мировой истории.

Нет надобности ссылаться на примеры Рима, Чингисхана, Александра Македонского, арабов первых исламских столетий или Османскую Турцию. Достаточно вспомнить средневековую и новую историю Европы – Столетнюю войну, Тридцатилетнюю войну, войну за испанское наследство, Семилетнюю войну... Этот кровавый передел территорий шел вплоть до окончания второй мировой войны.³⁰

В вышепротитированном Я. Гордин намекает, что эмансипация России и ужас в ее процессе не больше, чем одно из бесчисленных подобных происше-

28 Дзюба И. Нам только сакля очи колет...: «Кавказ» Тараса Шевченко на фоне непреходящего прошлого (К 150-й годовщине со дня написания поэмы: 18 ноября 1845 года) // Дружба народов. 1996. №1. С.182-204.

29 Давыдов Ю. Маргинальные заметы // Дружба народов. 1996. №3. С.191.

30 Гордин Я. Смыкающиеся крайности // Дружба народов. там же. С.192.

ствий в истории мира. Он даже объявляет, что выступление России на Кавказ было «естественным результатом».³¹ А. Фадин в своей статье развертывает парадоксальную логику: ужас империализма был неизбежной человечеству судьбой. А именно поэтому цена людей, «кто выбрал тяжкий крест (или полумесяц) несвободы во имя жизни, детей, народа... превышает допустимую в рамках здравого смысла».³²

Вторая мера для того, чтобы сделать рубеж относительным, – перечислить конкретные явления, не соответствующие биному Дзюбы: в качестве примера тому приводятся сочинения Пушкина, Грибоедова и Л. Толстого; Гордин указывает на то, что «реальная жизнь в пограничных областях империи была куда запутаннее и сложнее, чем просто агрессия русских против инородцев»³³; Фадин подчеркивает, что жестокое угнетение и наказание местных жителей были не только на русской стороне, но и в имамате Шамиля.³⁴

Мы можем найти третью меру релятивизации рубежа в следующих строках в статье Л. Гудкова:

В этом население республик бывшего СССР едино, у всех заметны общие черты и выражения «советского человека», как бы от него ни открещивались. У Дудаева с Грачевым или Егоровым гораздо больше общего, чем различий. Подъем к власти этнонациональных элит в бывших автономиях или союзных республиках слишком отдает духом советской бюрократии и борьбы за власть, вне зависимости от того, где это происходит.³⁵

Имея в виду исключительно текущее обстоятельство, Гудков утверждает, что «советские» черты являются общими в обеих сторонах, которые теперь во враждебных отношениях. Он хочет выпарить теперь возрождающийся рубеж: пар, который получится в результате этого, раньше назывался СССР и теперь парит в воздухе. Подобную попытку мы можем заметить и в статье С. Рассадина.³⁶

Дзюба в своей статье определяет стремление Шевченко в поэме «Кавказ» следующим образом:

С немислимой у других его современников смелостью и категоричностью отбросил Шевченко все общественно-обязательные критерии из арсенала непрошенного цивилизаторства, государственной целесообразности, патриотизма, национальной и религиозной миссии – и, введя «человеческое измерение», оставил один критерий: человеческая свобода и человеческая жизнь.³⁷

31 Там же. С.195.

32 Фадин А. Разговор по существу // Дружба народов. 1996. №4. С.191.

33 Гордин. С.193.

34 Фадин. С.190-191.

35 Гудков Л. Год чеченской войны в общественном мнении России // Дружба народов. 1996. №2. С.162.

36 Рассадина С. Крыга // Дружба народов. 1996. №4. С.193-202.

37 Дзюба. С.199.

Когда читаете эти строки, на первый взгляд кажется, что намерение автора – релятивизация рубежа введением разнородного ему начала. Но нам нельзя не учесть, когда и в каких условиях Дзюба писал статью. Как Рассадин указывает, статья Дзюбой, несмотря на ее чисто литературно-научную наружность, была написана под косвенным влиянием подъема национализма на Украине в 1990-е гг.³⁸

Имея в виду бином «*Россия* (как империя) – *Кавказ*», Дзюба ввел внутрь первой группы новый рубеж, заново разделяющий *Россию* и *Украину*, и вторую потом объединил с *Кавказом*. Это объединение в статье Дзюбой противопоставлено *России* и называется «человеческим измерением». Правильно указание Фадиной, что Дзюба построил «симметрично противоположный (имперскому) идеологический миф (миф свободы и независимости) там, где необходима рефлексия»³⁹: в статье Дзюбой на стороне этого «мифа свободы» постоянно стоит *Украина*. Гордин в своей статье подчеркивает, что в толстовском рассказе «Рубка леса» главные персонажи – по национальности украинцы.⁴⁰ А он это сделал, очевидно, с целью опять объединить *Украину*, уже раз освобожденную Дзюбой от роли угнетающих, с *империей*.

С нашей точки зрения, статья Дзюбы и отклики на нее – не что иное, как спор о том, где установить рубеж, разделяющий *внутреннее* и *внешнее*. Как мы выше исследовали, и Дзюба, и русские критики, устанавливают рубеж, чтобы он был благоприятен своей стороне.

Перевести рубеж и именно этим переводом сохранить группу, которой принадлежит сам автор, в рамках *внутреннего* – эту стратегию можно заметить и в вышеупомянутом репортаже Е. Лисиной. Там группа *русские солдаты* постоянно сохраняется в *внутреннем*: русские солдаты – и по позиции, и по настроению самые близкие люди для автора, который является гражданином России и ненавидит войну.

В случае Лисиной такая вольная стратегия допущенная, так как она не производится под именем «объективности» или «целостности»: читатели знают ограниченность поля зрения автора в репортаже. Данную стратегию Лисиной позволил жанр репортажа, который приобретает соответствие с действительностью и также право моральной оценки на нее за счет авторитетной точки зрения автора, откуда как будто все было бы рассмотрено.

Спор Дзюбы с русскими критиками тоже открыт к “реальности” тем, что он произошел в 1996 году. В общем, человек не сумеет оценить текущую действительность, потому что она еще не закончена и никак не завершена. Он не имеет способность рассмотреть целую картину дел, которые еще идут вперед. А тем не менее участвующие в данном споре высказываются, как если бы они сумели рассмотреть целое и поэтому оценить его.

38 Рассадин. С.202.

39 Фадин. С.190.

40 Гордин. С.193-194.

Переведение рубежа вступит в силу только тогда, когда его субъект покинул возможность «объективности» или «целостности». Однако, в данном случае это действие потеряет авторитет. А когда оно приобретает авторитетную наружность, это не что иное, как сокрытие того факта, что его субъект принадлежит своему собственному *внутреннему*.

СНЯТИЕ РУБЕЖА

Переход и переведение рубежа – эти действия, если их субъект не покинет свою авторитетную позицию, образуют новое *внутреннее*, даже не по его воле. Это сознавалось, по крайней мере, двумя авторами из тех, чьи произведения мы исследовали: вышеупомянутые Иван Дзюба и Петр Вайль.

Статья Дзюбы, содержание которой мы уже коротко изложили, на ее последнем этапе изменяет направление: автор внезапно прервал вертикальное переведение рубежа, тщательно сделанное до того момента, и начал попытку снятия самого рубежа.

По сути, Шевченко едва ли не первый в Европе нового времени так принципиально поднялся над рутинным делением народов на большие и малые, исторические и неисторические, цивилизованные и нецивилизованные – и «снял» это деление обращением к священному праву каждого народа самому устраивать свою жизнь: ни у кого «не прошенную», никем «не данную»... На высоте этой истины и этого мироощущения Шевченко отверг евроцентрическую и христочентрическую картину мира, хотя основание для отрицания этого «геополитического» христочентризма ищет в самом Христе: как в Том, для Кого и перед Кем все равносущны и равноценны.⁴¹

Попытку Дзюбы, показанную в этой цитате, мы можем определить как снятие рубежа установлением безгранично далекого пункта. Истина, Христос, или тоже надежда, вера и правда, появляющиеся в другом месте статьи, – этими терминами он указывает на точку зрения, не установленную ни *здесь*, ни *там*, а в абстрактном пространстве, где время и история теряют смысл. Если с такой точки зрения посмотреть на кавказскую мифологию, то и рубеж, и противоположность между *внутренним* и *внешним*, будут равны почти нулю, фактически сняты.

Зачем Дзюба должен был на конечном этапе изменить направление? Наверное, он в процессе написания статьи узнал, что в результате его вертикального переведения рубежа образовался новый бинот. В данном случае Дзюба, хотя и сможет утвердить моральное превосходство Шевченко над *угнетающими*, не сможет настоять на том, что поэт занимает трансцендентное место. Поэтому он принципиально отрицает возможность победы *внутреннего* (объединения *Украины с Кавказом*) над *внешним*, и находит значение поэмы «Кавказ» о том, что Шевченко под именем универсального достояния «снял» рубеж между обеими сторонами.

⁴¹ Дзюба. С.200.

...Бурление сомнений, проклятий и надежд. И все-таки надежда и вера – превыше всего. Это нечто иное, нежели уверенность в победе горцев, – для такой уверенности не было и нет оснований... Ибо шевченковский Бог – Бог всех, кто взыскует правды.⁴²

Кончить безгранично повторенную взаимоперемену *внутреннего* и *внешнего*, тем, что предположить метафизическое абсолютное, – вот образец, который Дзюба в конце статьи нам нарисовал. Говоря с нашей позиции, если сняли бы рубеж и противостояние *внутреннего* и *внешнего*, то это было бы желательно. Но это невозможно без установления метафизической точки зрения.

А в случае отказа от перелетания в метафизичность, что конкретно значит этот образец Дзюбы? Ответ на этот вопрос мы можем найти в уже упомянутом репортаже Петра Вайля.

Как мы выше изложили, этот репортаж является выдающейся попыткой релятивизации рубежа, который ложится на основе кавказской мифологии. А здесь нам считается важным то, что, несмотря на использование вышеупомянутых тщательных мер, Вайлю не удалось разрушить кавказскую мифологию – по крайней мере, субъективно.

Последняя глава репортажа, в отличие от других, называется «Речкой смерти». Здесь автор напоминает о лермонтовском стихотворении «Валерик» (Как месту этому название? / Он отвечал мне «Валерик, / А перевесь на ваш язык, / Так будет речка смерти...»)

Все точно у Лермонтова, кроме одного. В названии реки и села ударение приходится не на последний, а на второй слог. У чеченской речки смерти ласковое русское имя – Валéрик.⁴³

Репортаж, трясший кавказскую мифологию разнообразными мерами, Вайль заключает подчеркиванием повторяемости схемы и неизменности рубежа, который называется – смертью. Хотя его стиль легкий, репортаж Вайля, в сущности, очень грустный: для человека, который отказался от перелетания в метафизический мир и выбрал остаться в физическом мире, безгранично далекий пункт – не что иное, как синоним смерти.⁴⁴

42 Там же. С.201.

43 Вайль. С.186.

44 Подобное стремление к снятию рубежа кавказской мифологии путем установления “смерти как безгранично далекого пункта” мы можем заметить и в рассказе Валерия Пискунова «Кормление Дракона» (Знамя. 1996. №6. С.42-52). Однако автор рассказа обращает свое внимание, главным образом, на вопрос смерти как таковой. У Пискунова кавказская проблема не больше, чем подходящий материал для философской трактовки о смерти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Переход рубежа имеет смысл только тогда, когда это действие освобождено от стремления приобрести целое. Переведение рубежа сможет сделать насущный бином относительным, а не сможет разрушить биномиальную схему как таковую. Снятие рубежа является синонимом смерти в случае отказа от перелетания в метафизический мир. Нельзя не сказать, что трудно разрушить кавказскую мифологию всякими действиями вокруг ее рубежа.

Правда, что вышеперечисленные действия – не что иное, как «идеальные типы (Idealtypus)», которые мы извлекли из объекта. Рассмотренные нами до этого момента произведения, в действительности, являются сложными комплексами этих идеальных типов. Например, последняя глава репортажа Вайля не только отрицает возможность снятия рубежа, но и раскрывает империализм, который отражается на изменении ударения в названии местности.

Пусть так, но мы все равно не сможем избавиться от мифологического лабиринта каким-то управлением рубежом. А нам нельзя этого достигнуть другой стратегией?

Миф – представление состоит из «категорий» и «образов», которые, в сущности, вневременные и неисторические. Эдвард Саид определяет мифологию «статичной системой синхронического онтологизма» и находит в «повествовании» возможность ее разрушить.

...если какие-то детали Востока покажутся двигающимися или развивающимися, то в эту систему введут диахронно. То, что доньше выглядело неподвижным – Восток является синонимом неподвижности и неизменной вечности –, теперь появляется двигающимся... История и повествование, представляющее историю, докажут, как несовершенны образы, и выяснят, что Восток как безусловно онтологическая категория несправедливо относится к возможности перемены реальности.⁴⁵

Такую попытку, как Саид предлагает в цитате, к кавказской мифологии активно применяла «Звезда». Этот журнал начал с №12 1995 г. рубрику «Россия и Кавказ», и периодически помещал в ней статьи об истории кавказской войны XIX века и мемуары офицеров того же времени.⁴⁶ Редакция журнала объясняет читателям свою цель следующим образом:

45 Edward Said, *Orientalism* (Penguin Books, 1985), p.240.

46 Пассарар Г.Л. Наблюдения и размышления очевидца чеченской войны. 1995. №12. С.137-143; Гордин Я. Год 1843 – цена сомнений. 1996. №3. С.159-168; Лисицына Г.Г. Экспедиция в резиденцию Шамиля Дарго (1845 г.). 1996. №6. С.177-191; Гордин Я. От стада нищих дикарей к гарнизону осажденной крепости. 1996. №12. С.82-109. Кстати, в «Звезде» уже в 1993 году помещена статья одинаково направления: Турьян М. Неизвестная кавказская страница биографии В.Ф. Одоевского. 1993. №6. С.167-185. Исследование Гордина выпущено отдельной книгой: Гордин Я. Кавказ: земля и кровь. Россия в кавказской войне XIX века. СПб.: Звезда, 2000.

Но, как ни странно, наши историки в XX веке совершенно не уделяли – за малыми исключениями – внимания этим событиям. Кавказская война выпала из поля зрения и исследователей, и русского общества вообще. О советском периоде и говорить не приходится.

Незнание столь болезненных событий прошлого неизбежно рождает уродливые мифы. Незнание провоцирует катастрофические решения.⁴⁷

Правда, что в этой рубрике авторы статей нам позитивно показывают историю кавказской войны. Однако они, опираясь исключительно на материалы русской стороны, обращают свое внимание сосредоточенно на частичные вопросы войны: переворот кавказской стратегии России в 1843 г; подробности даргского сражения 1845 г. и т.д. Авторы мемуаров – офицеры русской армии прошлого века – сами находились в большой зависимости от шаблонных представлений о Кавказе. Поэтому нельзя сказать, что намерение редакции, которая хотела разрушить кавказскую мифологию введением диахронии, осуществилось авторами: их поле зрения слишком замкнуто. Другими словами, само их повествование, которое по намерению редакции должно было представить историю, уже заранее определилось синхроническими категориями и образами, из которых состоит кавказский миф.

Как ни парадоксально, почти единственной статьей, отвечающей требованиям редакции «Звезды», является «Завоевание Кавказа: главы из исследования» марксистского историка первой половины XX века Михаила Покровского,⁴⁸ который, по предисловию редакции, в свое время «немало способствовал физическому разгрому»⁴⁹ русской исторической науки. В этой статье Покровский, основываясь на материалистическом взгляде на историю и также на принципах борьбы классов, в единую и статичную категорию *Кавказ* вводит историческое время (диахронию) с тем, чтобы показать перемену структуры кавказского общества.

А с нашей точки зрения можно определить управление Покровского, как своего рода «вертикальное переведение рубежа»: релятивизация рубежа, разделяющего *Россию* и *Кавказ*, установлением нового рубежа, который разделяет *угнетающих* и *угнетенных*.

Как известно, кавказская стратегия сталинского режима разворачивалась под именем того же самого принципа, что у Покровского. А здесь нам считается важным не правильность его анализа, а тот факт, что его статья, которая в свое время была официальной и схематичной, в момент конца XX века функционирует как эффективная атака на кавказскую мифологию. Мы можем найти причину этого в том, что статья Покровского основывается на совершенно отличающихся принципах от кавказского мифа: функция какого-то утверждения зависит от того, в каком обстоятельстве оно сейчас находится.

47 Звезда. 1995. №12. С.137.

48 Звезда. 1995. №3. С.126-143.

49 Там же. С.126

Кавказ в журналах

Говоря с формальной точки зрения, человек никак не сможет освободиться от мифологического бинорма, и также от рубежа, который разделяет *внутреннее* и *внешнее*. А если так, нам остается, наверное, лишь одно дело: неумолимо заменять опаснейший в данный момент рубеж другим сравнительно неопасным рубежом, хотя бы знать, что в результате этого неизбежно образуется новый бинорм.